

Дубовая дверь с глухим стуком захлопнулась, словно ставя точку в их с Дамблдором неприятном разговоре.

Глаза старика, скрытые за стеклами очков, таили в себе допрос и расчет. Каждая фраза о благе магического мира казалась приманкой, насаженной на крючок: Альбус пытался затянуть Цзээркэсы в свою партию, где на кону стояло так называемое «высшее благо».

Цзээркэсы подошел к рабочему столу. Его пальцы нащупали потайное отделение в ящике, коснувшись холодного металлического края. Это было Двустороннее зеркало размером с ладонь, с оправой, украшенной причудливыми переплетающимися узорами. Поверхность зеркала подернулась тонким слоем пыли, но стоило ему влить в него немного магии, как стекло мгновенно прояснилось.

Вскоре в зеркале проступили очертания Грин-де-Вальда. Старик сидел в полумраке, его серебристо-белые волосы ниспадали на черную накидку, а взгляд оставался таким же острым, как у ястреба, разве что в нем прибавилось тяжести прожитых лет.

— Похоже, ты уже виделся с Альбусом наедине, — голос донесся из зеркала. В нем слышалось привычное спокойствие, за которым, однако, скрывалось едва уловимое напряжение.

Цзээркэсы откинулся на спинку стула, машинально поглаживая оправу зеркала:

— Крестный, он прощупывал меня.

Он сделал паузу, четко проговаривая самое важное:

— Кажется, он почти уверен в том, что я твой крестник. Он упоминал мою поездку в Норвегию.

Грин-де-Вальд в зеркале замолчал на несколько секунд, легко постукивая пальцами по столу:

— Альбус всегда мастерски просчитывал всё на своей доске, включая человеческие сердца... Он не заставлял тебя участвовать в его планах?

— Я прямо отказался, — голос Цзээркэсы прозвучал без тени сомнения, а в глубине его глаз промелькнул холод. — Он хотел втянуть меня в игру, называя ключом к поддержанию равновесия. Какая искусная манипуляция. Но он не знает одного: я терпеть не могу, когда меня используют как пешку, даже если кукловод — сам Дамблдор.

Он вспомнил недавние слова Дамблдора: Ты должен понимать, что некоторые жертвы необходимы. Внутри всё сжалось. Дамблдор вечно твердил о «высшем благе», но никогда не упоминал, насколько невинны те, кем он жертвовал — будь то их с Грин-де-Вальдом история или нынешние попытки втянуть его в эту войну. Цзээркэсы и сам не был святым, он тоже шел к своим целям, не гнушаясь средствами, но, по крайней мере, он не считал себя таким

лицемером, как Дамблдор.

— Хм, — в голосе Грин-де-Вальда наконец проскользнуло одобрение. — Только оставаясь вне его планов, ты сможешь добраться до самой сути, выступая в роли непредсказуемой переменной... Помни о нашем уговоре, Цзээр. Когда начнется большая война, защити его. Не дай ему принести себя в жертву ради этого так называемого высшего блага.

— Я сделаю это.

Свет в зеркале начал медленно гаснуть, но Цзээркэсы продолжал сжимать его в руке, чувствуя пальцами холод металла. Он не любил Дамблдора, не любил его интриги и его философию жертвенности, но еще лучше он понимал, насколько глубока привязанность Грин-де-Вальда к Альбусу. В действительности это была не ненависть, а бережно хранимое всю жизнь чувство, в котором даже сам Грин-де-Вальд не хотел себе признаться.

А он сам, будучи крестником Грин-де-Вальда, был единственным, кто мог выйти за рамки этой черно-белой игры. Отказ Дамблдору — это не просто бунт, это способ двигаться дальше, сохранив хладнокровие. Двигаться в самый эпицентр войны, чтобы защитить старика, который не ценил собственную жизнь, и сдержать обещание, данное Грин-де-Вальду.

Цзээркэсы убрал Двустороннее зеркало в тайник. Когда он поднялся, в его взгляде не осталось ни капли колебаний — лишь холодный расчет.

— Снейп... уже несколько дней его не видел...

<http://bllate.org/book/21836/2262665>